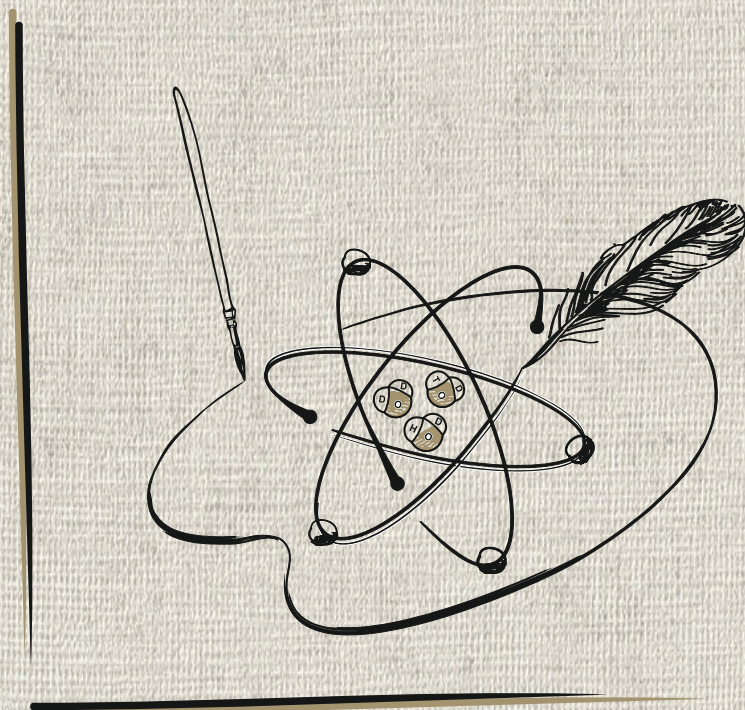

Сергей Пузатых (Елецкий)

Федеральное государственное бюджетное учреждение
«Петербургский институт ядерной физики им. Б. П. Константинова
Национального исследовательского центра «Курчатовский институт»

НАУКА И ИСКУССТВО

Сергей Пузатых (Елецкий)

ГАТЧИНА
2024

УДК 82-16:75.047
ББК 84(2=411.2)6:85.147
П88

Наука и искусство. Сергей Пузатых (Елецкий). – Гатчина Ленинградской обл.:
Издательство НИЦ «Курчатовский институт» – ПИЯФ, 2024. – 88 с., ил.

Составитель Е. Ю. Оробец

ISBN 978-5-86763-491-9
© Издательство НИЦ «Курчатовский институт» – ПИЯФ, 2024

О Русь, ты лирики родник,
Неиссякаемый и чистый,
Струит святой твой, древний лик
Поток божественный, лучистый!

Сергей Елецкий

Искусство – это «я», наука – это «мы».
Клод Бернар

Среди клёнов, лип, берёз и елей
Есть научный уникальный городок,
И на протяжении поколений
Он научной мысли островок.

Эти образные и ёмкие строки – о нашем институте, Петербургском институте ядерной физики им. Б. П. Константинова Национального исследовательского центра «Курчатовский институт», среди сотрудников которого немало творчески одарённых личностей. Несомненно, один из них – Сергей Юрьевич Пузатых, ведущий инженер службы химикотехнологических систем Управления эксплуатации комплекса ядерных установок, а также поэт и художник.

Сергей родом из старинного Ельца, форпоста земли Русской. Как он сам признаётся, «там осталось моё сердце, там напивалась моя душа красотами природы; Елец с его храмами, соборами и монастырями я вспоминаю с нежностью и любовью». Неудивительно, что городу своего детства и юности посвятил Пузатых (Елецкий) столько лирических стихотворений и живописных полотен. Когда случается бывать на родине, Сергей первым делом посещает Музей И. А. Бунина, чтобы встретиться там с его сотрудницами – Татьяной Газиной и Татьяной Алексеевой. Хранительницы бунинского наследия поддерживают Пузатых во всех творческих начинаниях. В экспозиции музея есть и его картины. И непременно устремляется в редакцию газеты «Красное знамя», где были напечатаны его первые стихи и где всегда ждут.

Второй родиной и источником вдохновения стала для Сергея Гатчина, развившая в нем «чувств лиричных хор» красотой своих дворцов, парков и озёр.

Это город учёных мужей,
И всемирных научных идей,
И творящих искусство людей,
Город сказочных белых ночей.

В этом городе «сказочных белых ночей» Сергей Пузатых живёт, работает в нашем институте на установке по очистке тяжёлой воды и творит. Здесь он стал членом Союза писателей Ленинградской области и Санкт-Петербурга и Бунинского общества Пе-

тербурга. Печатался в литературно-художественном журнале «Оредеж», «Гатчинский журнал», газете «Спектр-Гатчина», литературно-философском журнале «Литературная учёба», издал два поэтических сборника.

Рисовать Сергей любил с детства, а серьёзно занялся живописью к сорока годам. Он обладает удивительной способностью передать и сохранить поэзию на холсте и принципиально не пишет грустные картины, в них всегда есть лучик солнца. Сказочные, несколько наивные, они радуют глаз и поднимают настроение. «Это моё видение мира – яркое, экспрессивное. Я так вижу и свои чувства переношу на полотно», – делится художник. Ему дано увидеть чудо в первом робком подснежнике, летней радуге, яблоньке в белой фате... В Гатчинском товариществе художников, где Сергей Пузатых состоит с 2004 года, ему советовали следовать своему пути в живописи, сохраняя самобытность.

Так – из души – рождаются невероятно искренние, по-есенински певучие и музыкальные стихи, а на полотнах – светлые и радостные образы. А самое главное – Сергей щедро делится своим видением красоты, тем, что его волнует.

Я людям от души на память
Частицу мира подарю,
В черёмухах душистых заводу
И нежно-алую зарю!
Руси сиреновой просторы,
Леса, луга и косогоры,
Где в дальнем детстве не спеша
Впитала всё моя душа!
И в ней родилась искра и мерцала
Есенинско-рубцовского пожара!

И о признании. Сергей Юрьевич Пузатых награждён почётной грамотой лауреата международного поэтического конкурса «Золотая строфа – 2012», дипломами номинанта литературной премии имени Сергея Есенина «Русь моя – 2016» и премии «Поэт года – 2013», а также памятной медалью «150-летие И. А. Бунина», учреждённой губернатором Орловской области, за большой вклад в изучение и популяризацию творчества Ивана Бунина и памятной медалью «Сергей Есенин. 125 лет» Российского союза писателей за вклад в развитие русской литературы.

Я напишу о Гатчине с любовью

Я напишу о Гатчине с любовью,
Хоть он не мой с рожденья городок.
Я сын холмов, политых в битвах кровью,
Руси былинной есть там островок –
Град древний батюшка-Елец,
Он многим городам отец!
А Гатчина с имперскими дворцами,
С очарованьем парков и озёр,
С ажурными, изящными мостами
Во мне развила чувств лиричных хор.
И белой ночью, и осенним днём,
И зимними морозными ночами
Улавливаю, чувствую во всём
Дух творчества, живущий вместе с нами.
Мерцай над Гатчиной божественно, звезда,
И отражайся в темноте озёр!
Здесь Пушкин, Северянин навсегда –
В поэзии негаснувший костёр,
Здесь жил Куприн и с Буниным дружил,
А тот любил Елец старинный свой.
И я, насколько хватит моих сил,
Два города свяжу своей судьбой.

Это Гатчина!

Этот город нам близок, знаком,
Он сдружился с двуглавым орлом,
Он размерами хоть невелик,
Но уютен, красив его лик.
Это вотчина русских царей,
Это слава и гордость тех дней,
Что в победах ковалась не раз,
Что впиталась от предков до нас.
Город доблестной воинской славы
Украшается стелой по праву.
На верхушке – двуглавый орёл,
Связь времён воплощается в нём.
Это город учёных мужей,
И всемирных научных идей,
И творящих искусство людей,
Город сказочных белых ночей.
Ну а кто не бывал ещё в нём?
Это Гатчина! Милый наш дом!

Гатчина, дворец и озеро в сентябре. Холст, масло. 40 x 50 см

Гатчинскому парку посвящается

Старый парк тихо дремлет в тумане,
Молчаливый свидетель веков,
И, как будто в дремотном дурмане,
Проплывают сюжеты тех снов.
Экипажи роскошные мчатся,
Лошадей ржанье, кучера крик,
В водах озера мачты кривятся,
Парусов белых морщится лик.
По аллеям, тропинкам тенистым,
Шелестя разноцветной листвой,
Бродят парочки полднем лучистым,
На террасе – оркестр духовой.
Всё по-царски величием полно,
Стаи чаек кружат над водой,
И вальсируют озера волны
В такт плывущей мелодии той.

Каравеллы, как белые птицы,
Грациозно надув паруса,
Ввысь взмывают с воды вереницей
В сон веков, уходя в небеса.
Звук мелодии флейты нежнейшей
С ними в Вечность неспешно плывёт,
Увлекая в полёт поднебесный
Кавалеров и дам хоровод...
Лишь остались дубы вековые
И озёр серебристая гладь,
Над каналом мосты кружевные
И дворца императора стать.
И хранят вековые деревья
Информацию в поле своём,
И всплывают над парком виденья
Сквозь туман тихим, пасмурным днём.

Осень рыжая в Гатчинском парке. Холст, масло. 40 x 50 см

Павлу I

Когда над Белым озером сгущается туман,
А в небе полнолуние сияет,
На пьедестале бронзовый мерцает Павла стан,
А дух его владенья посещает.
Подземный ход, и залы, и любимый кабинет
Обходит он незримою походкой,
Со стен глядят портреты молчаливо ему вслед,
А он касается их тенью тонкой.
О чём же думает его мятежный дух,
Чем недоволен, чем он озабочен,
Чего не довершил, о чём он вспомнил вдруг,
Бродя по галереям среди ночи?
Чуть скрипнул трон – присел он отдохнуть,
Помыслить перед новою дорогой,
Ведь утром снова в дальний Вечный путь,
И лик его стал собранный и строгий.
Те тайны недоступны и у Вечности в плену,
И неизменен прежний ход событий.
Выбеливает утро золотистую луну,
Пора ему. Он Вечный, неубитый.

В осеннем парке Гатчины

Пахнет в парке морозными листьями,
И вальсирует первый снежок,
А рябина багровыми кистями
Всё целует соседний дубок.
На холодном Серебряном озере
Сбились утицы в тесный кружок,
Снятся им не холодные озими,
А зелёный и сочный лужок.
Вечереет, в тумане прохладном,
Словно призрак, дворец, с башен звон.
А когда-то в России был главным
И решал судьбы Родины он!
А на площади бронзовый Павел
Принимает военный парад,
А снежинки вальсируют тихо
И на площадь летят невпопад,
Отыграла листвою осень лихо,
Через год встрече буду я рад!

Па́вел I. Бума́га, карандаш. 30 x 15 см

Зарисовка белой ночи

Утопает Гатчина в сирени,
Аромат дурманит и пьянит,
Ночь едва заметно стелет тени,
Озеро задумчиво парит.
Нежной, беловатою вуалью
Ночь легла на парки и сады,
Смешивая с призрачною далью
Краски неба, леса и воды.
Бледный месяц с тонкими рогами
На восток глядит, сулит тепло,
И роса мерцает под ногами,
Словно жемчуг или серебро.
И взрывают призрачность ночную
Трели голосистых соловьёв,
И кукушка, по садам кочуя,
Накукует несколько годов.

Растворяется Гатчина в белых ночах

Растворяется Гатчина в белых ночах,
Невесомый туман над озёрами,
И пьянящий жасмин у домов и в садах
Вдаль плывёт над ночными просторами.
В лёгком мраке, как призраки, клёны стоят,
И от лип ароматы медовые,
И как будто кварталы сейчас воспарят,
В ночи белой совсем невесомые.
Славят белые ночи певцы-соловьи,
Выводя трели рая до самой зари.
Так вот летом, реально, не в сказках и снах,
Растворяется Гатчина в белых ночах.

Белая ночь в Орловой роще. ДВП, масло. 50 x 60 см

Погружается Гатчина в осень

Погружается Гатчина в осень,
И туман по утрам холодней,
И луч солнца теперь уж не в восемь
Чуть блеснёт из-за крон тополей.
И тепло от ушедшего лета
Всё таится ещё меж аллей,
Только клёны янтарного цвета
Их не сделают больше теплей.
Осень алая дарит прохладу,
Осень жёлтая дарит дожди
И внезапно, как бонус в награду,
Как жемчужины, ясные дни!
А дворец, как готический призрак,
Всё суровей в обличье своём.
Поздней осени стилем он близок
И красивее пасмурным днём.
И озёр холодеющий омут
Отражает свинцовую хмарь,
Облаков вереницы в нём тонут
И небес растворяется даль.
Пёстрый парк в сизый, ветреный полдень
Отдаёт листья ветру-гонцу,
Погружается Гатчина в осень,
Впрочем, Гатчине осень к лицу.

Осенняя аллея в Гатчинском парке. Холст, масло. 60 x 40 см

Зимнее утро

Красное солнце и лёгкий мороз,
Розовый иней на ветках берёз –
Так нарождается зимний рассвет,
Крася дымы в фиолетовый цвет.
Молча на крыше вороны сидят,
В шпиль Приората прикован их взгляд.
Блеск ослепляет, как сотни зарниц,
Манит, зовёт распушившихся птиц.
Месяц растаял, и небо синее,
Перистый спектр очертился нежнее,
Золото льёт горизонт на дома –
Чудное утро нам дарит зима!

Весна в Гатчинском парке

Тёплый день в начале мая,
От кустов клубится пар,
И природа, оживая,
Первоцветы сыплет в дар!
Парк живёт стозвоньем птичьим,
Блещет озеро в красе,
И дворец во всём величье
Распахнул врата весне!

Зимой в Гатчинском парке. Холст, масло. 20 x 30 см

Бабье лето в Гатчине

На небе сине-бирюзовом
Ни облачка, ни ветерка,
И солнце нежным, тёплым взором
Ласкает улицам бока.
Пока в зелёном липы, клёны,
Причёски их ещё густы,
Слегка позолотились кроны
Да подрумянились кусты.
Но звонкие дают концерты
В ветвях шальные ворообы,
А голуби по нишам церкви
Воркуют тихо о любви.
Вся Гатчина залита светом,
На улицах царит покой,
Всё так прекрасно бабым летом,
Жаль, быстротечен миг такой.

Восход в Орловой роще

Я не был никогда в Парамарибо,
Не видел город утренней зари,
Но не печалюсь, не жалею, ибо
Восход я видел в розовой дали.
Над тёмным частоколом строгих елей
Бледнел лимонный месяц на глазах,
И, словно из залиvistых свирелей,
Летели звуки, тая в небесах.
Край розовой полосы золотился,
И птичий хор усилился вдвойне,
Луч солнца первый, яркий заискрился,
И запылали облака в огне.
Орлова роща наливалась светом,
И пряталась под ель ночная тень.
Меж лап сосновых золотым букетом
Неспешно нарождался новый день!

Гатчина. Белое озеро в сентябре. Холст, масло. 40 x 50 см

Ленинград – Петербург

Мой первый взгляд на Ленинград
Был поздней осенью, сырой.
В фасад домов, узор оград
Я проникался всей душой.
Он вырастал, как из тумана,
Имперской чопорности полн,
И всё величием блистало –
От куполов до невских волн.
Потом он стал вдруг пролетарским
В канун седьмого ноября,
Но всё же выглядел по-царски,
Хоть в кумаче был, как заря.
Затем познал другие дали,
Дворов-колодцев чахлый стиль,
Там фонари туман съедали
И дух Раскольникова жил.
Но как прекрасна ты, Пальмира,
В сети каналов и мостов!
От Амстердама и от Рима
Хранишь ты гений мастеров!
А в ночи белые слетают
Со шпилей ангелы твои,
Санкт-Петербург благословляют,
Порхая нежно до зари.

Золото над Петербургом

Золотой пожар восхода
Полыхал над Петербургом!
Странно, в это время года –
В ноябре дождливом, хмуром.
Словно тайное знаменье,
Будто скоро наводнение,
Иль кометы приближенье,
Близость Судного ли дня,
В ноябре, на удивленье,
Необычная заря.
Что вещала – непонятно.
Может, отблески былого?
Революций вспышки-пятна
Над Невой сияли снова?
Иль судьбы счастливый ход
Грезил тот пожар-восход?
Он пылал с тройною силой,
Разливаясь над Пальмирой.
Петропавловка блистала,
Шпилем небо рассекая,
И ответно ей мигала
Куполов церковных стая.

Петербургская мистерия

Как римских легионов стройный ход,
Кварталов Петербурга ровный строй
Собрался в исторический поход,
Чтоб с временем вести неравный бой.
Каналов и мостов ажурных сеть
Коронами нависла над водой,
Гранит и мрамор, бронза, сталь и медь
Хранят былой имперский облик твой.
А в ночь Луны на бронзовом коне
Зовёт на бал особ великий царь,
И с гривою, пылающей в огне,
Он мчится в Вечность, в звёздную вуаль.
Но затемно, под утро, до зари,
Со свитой он вольётся в бронзу вновь,
Чтоб провести все остальные дни
Там, где почёт, и память, и любовь!

Ещё и не было Москвы

С гранитных берегов Невы почтенной,
Из европейского петровского окна
Я шлю привет в родной и незабвенный
Елец, стоящий на реке Сосна.
Он долетит с балтийским сизым ветром
В далёкий, тихий русский городок,
С истоков Родины живущий век за веком
Истории российской островок.
Ещё и не было Москвы, столицы славной,
На месте Петербурга – топь болот,
А он крестом на башне деревянной
Благословлял живущий там народ!
Стоял он насмерть против полчищ Тамерлана,
Остановил Великого Хромца,
А благодатная Европа и не знала,
Зачем назад он повернул войска.
И не надвинулось крошечным адом иго,
И Возрождения эпоха расцвела,
А городок, сопротивляясь лиху,
Тимуром уничтожен был дотла.
И сотни лет на месте пепелища
Ковыль поклоны павшим отдавал,
Но появились новые жилища,
И город постепенно расцветал.
Он пережил времён лихих немало
И был купеческим, известным на Руси!
И что бы с ним потом ещё ни стало,
Мой древний город, Господи, спаси!

Елец, я твой мелкий осколок

Елец, я твой мелкий осколок,
Живущий за тысячу вёрст.
Но помнит тот русский ребёнок
Созыкино, старый погост.
И ивы над речкой склонились,
Глядясь в серо-бурую муть,
В своё отраженье влюбились,
Щекой к ним, как в детстве, б прильнуть.
И стадо кормилиц рогатых
Пасётся на сочном лугу,
И вижу в оттенках богатых
Закатного солнца дугу.
Я снова уеду к туманам,
В Пальмиру, за тысячу вёрст,
Но пасмурным днём над каналом
Привидится Ельчик и мост.
И доброе солнце садится,
И золото льёт на коров,
И ива в речушку глядится.
Будь счастлив, мой край, бывший кров!

Летний денёк в Ельце. Холст, масло. 30 x 40 см

Над старинным Ельцом листопад

Над старинным Ельцом листопад
Лирой Бунина плавно кружит,
И Петровского парка наряд,
Весь в убранстве осеннем, горит.

Лист багряный и лист золотой
В ритме вальса кружат над водой,
Над Торговой, над быстрой Сосной.
Этот вальс разноцветный, живой.

Он сегодня, как сто лет назад,
Осыпает везде свой наряд,
Он по-бунински в красках богат,
И чарует, и радует взгляд!

И ещё пролетят сотни лет,
Только вальсу кружить и кружить,
А ельчанам по паркам бродить
И по-бунински осень любить!

Я приехал поклониться

Солнце за реку садится,
Зной уходит наконец,
Я приехал поклониться
Всем церквам твоим, Елец!
Купола твои и шпили
Ярким золотом сияют,
Всё, что прежде пережили,
Лишь они об этом знают...
И стоят неколебимо,
Правду веры озаряя,
Как песок Иерусалима,
Площадная пыль святая!

Романтическое свидание на реке Сосне. ДВП, масло. 40 x 50 см

Край детства моего

О Боже, много ли мне надо?
Чтоб помнили в краю родном,
И мне особая награда,
Коль стих звучать мой будет в нём!
Край чернозёмный, благодатный,
Где пахарь испокон веков,
Идя за плугом, меч булатный
Держал для яростных врагов.
Край, где елецкие страданья
Слышны по праздникам с холмов
И где елецкая матаня,
Частушек звон, басы хоров.
А на Смоленскую, бывало,
За речкой собирался луг,
Там удаль русская плясала –
Елецкий, атаманский дух!
Всё это в памяти осталось,
И нет теперь уж тех лугов,
Лишь пастухи глядят устало
На стадо мирное коров.

Страж Руси

В небе марево, июльский зной,
Мы по ягоды идём с тобой.
Нас дурманил запах чабреца,
Жаворонков трели без конца.
А вдали, как дивный Черномор,
В синеве возвысился собор.
Древний и былинный град Елец,
Многим русским городам отец,
На границе с Диким полем стал,
О набегах Русь оповещал.
Оттого стоит, как Черномор,
В синей дымке батюшка-собор!

Закат на реке Сосне. ДВП, масло. 30 x 40 см. Музей И. А. Бунина, Елец

Лес детства моего

Хмелевому лесу детства моего посвящаю

Там, где у поля васильки и кашка
Склоняются под тёплым ветерком,
А у лесочка клевер и ромашка
Ютятся под ореховым кустом,
Там детство навсегда моё осталось,
Меня там помнят старые дубы,
И в моё сердце, что к ним прижималось,
Вливали силушку былинные стволы.
Там, на полянках, в колокольчиках играла
В оттенках радуги жемчужная роса,
И утро щедро солнце раздавало,
И птички заливались голоса.
В лесочке земляники поспевали
И алые мерцали огоньки,
А в кронах ив всё иволги кричали,
Жар-птицы – те, что жили у реки.
От этих криков, резких и кошачьих,
На время мерк весёлый птичий хор,
Их перьев, словно золото, блестящих
Мне не забыть до этих самых пор.
И вот, когда я мыслью возвращаюсь
В край детства, в тот любимый свой лесок,
Я снова чем-то светлым заряжаюсь,
Как будто пью с берёз весенний сок.

Встреча с дубом детства

Ну, здравствуй, дуб – могучий богатырь!
Ты сучья толстые раскинул вольно вширь,
С холма России озираешь синь,
Пшеницы золото, и сизую полынь,
И ленту речки, и рельеф холмов,
И жемчуга елецких куполов.
Вокруг тебя ромашек хоровод,
А над тобою ястреба полёт.
Стоишь ты, исполин, три сотни лет,
Ты много рассказал бы мне в ответ.
Немой свидетель радостей и бед,
Всё ты впитал, как старый, мудрый вед.
Всё знаешь про деревню Хмелинец
И знаешь, кто был первый праотец...
Меня ты вспомнил, старый исполин,
И в знак того листвою пошевелил.
А я к шершавому стволу прижмусь,
Здоровья, силы от тебя напьюсь
И поклонюсь за щедрый дар такой,
А ты в ответ мне прошумишь листвою.

Лес детства моего. Картон, акварель. 30 x 50 см

Я посещу любимые места!

Я посещу любимые места!
Сазыкино и лес мой Хмелевой,
Где Акулина, бабушка, жила
И дед Иван с покоса шёл домой.
Где бегал я с пшеничной головой
По ягоды в лес детства небольшой.
Где по весне в овраге протекала
С холмов ближайших талая вода
И в Ельчик свои воды устремляла
(С названьем устрашающим – Хома!).
И где в саду окрошку разливали
И братьев был весёлый корогод,
Антоновку в севалки собирали,
Где на матаню выходил народ
В проулочки под тёплый летний вечер.
Тогда я счастлив был и очень весел!..
И вот опять уеду я к туманам,
В Санкт-Петербург, за сотни дальних вёрст.
Туманным, хмурым утром над каналом
Привидится мне речка и погост,
И ласковое солнышко садится,
И золотом пылает на коров,
И ива в Ельчик кроткая глядится.
Будь счастлив, край мой,
Милый детства кров!

Глухомань

Оглашают глухомань кукушки
На Руси, в красивейших местах,
Где у речки только три избушки,
Почернев, скосились на холмах.
А вокруг черёмухи кипели
Белой пеной средь высоких крон,
Свежею листвою зеленели
Чащи, обступив со всех сторон.
По камням речушка клокотала
В жёлтом ожерелье из цветов,
В мелких брызгах радуга играла,
И прохлада шла от родников.
Здесь не слышно шума городского,
Суеты, мобильных, машин,
Отродясь и не было такого,
Первозданный мир вокруг один.
У избушки с палочкой старушка
Смотрит ввысь, где самолёта след,
В чём-то чёрном, как сама избушка,
С белою козой плетётся дед.
Вот и все, пожалуй, кто остался
Наблюдать всю эту красоту..
А в речушке селезень купался,
Сыч сидел на сломанном мосту,
И манила эта глухомань
Таинством в сиреневую даль...

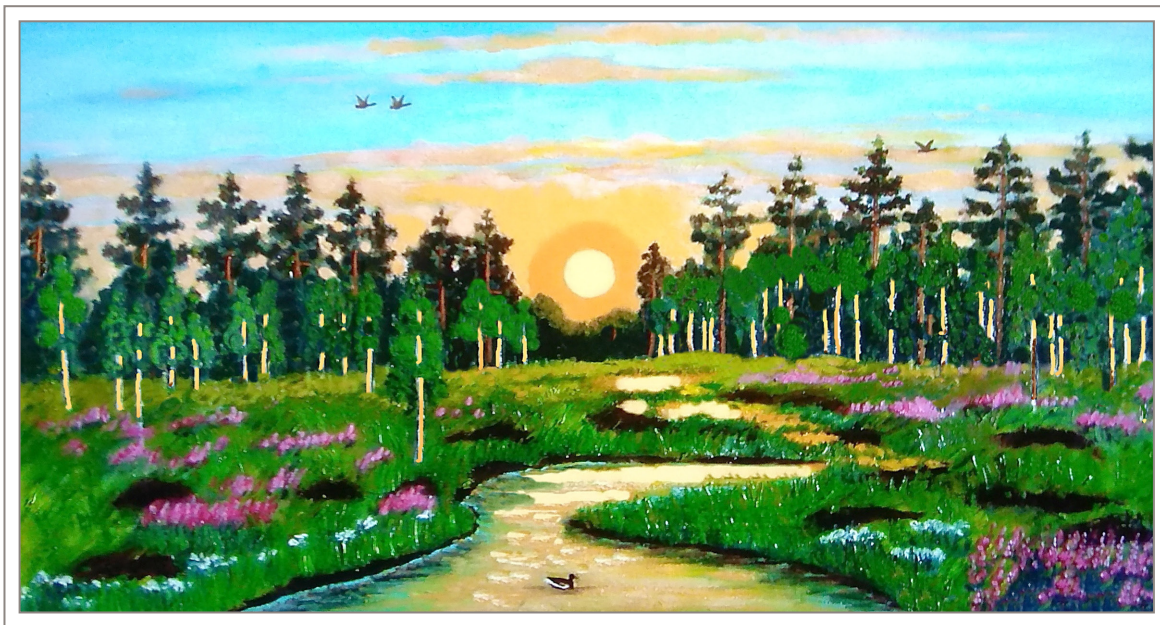
Троицын день. ДВП, масло. 50 x 70 см

Ну как мне не любить Россию!

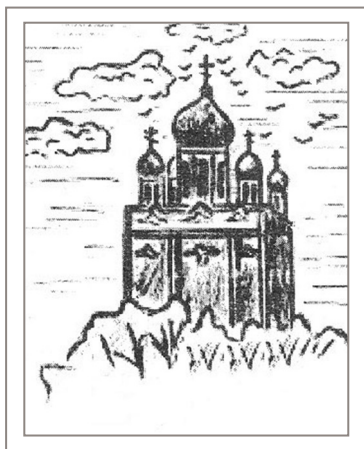
Ну как мне не любить Россию!
С её широкой далью, синью,
С её озёрами, прудами,
И с речкой детства, и с холмами.
А белоствольные берёзы –
Они для лириков отрада,
Они роняют листья-слёзы
По осени у дома, сада.
Они поэтов вспоминают,
Что их ласкали и любили,
Они о лирике всё знают,
Вот только их бы не рубили.

Лирики родник

О Русь, ты лирики родник,
Неиссякаемый и чистый,
Струит святой твой, древний лик
Поток божественный, лучистый!
Он мир дополнит красотой,
Духовности в него вдохнёт,
Он полон миссии такой,
И время это подойдёт!

Июльский вечер на речке Тёплой в Орловой роще. Холст, масло. 30 x 50 см

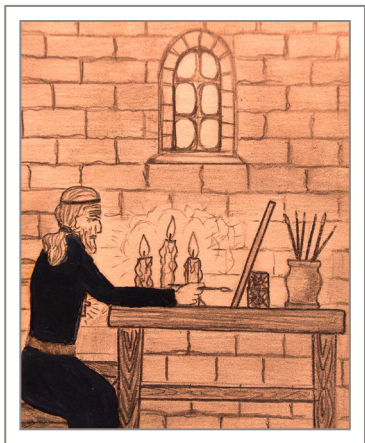

Русь – Россия

Из цикла «Русь – Россия»

Русь, тебе тысячелетье!
Ты – седая мать Земли.
Русь, какие лихолетья
Сквозь тебя перетекли!
Ты доверчива к соседям
И строга к своим сынам,
А твои богатства, земли
Часто грезились врагам.
И Батя ты терпела,
И Великого Хромца,
И страдала, и горела,
И пленилась без конца.

Ты всегда дружиной малой
Смертный бой несла врагу,
А уж коль объединялась,
Всех сгибала ты в дугу.
А бывало, ты взрывалась
Пугачёвским топором,
Алой кровью умывалась,
И пылало всё огнём.
Немцы, шведы и французы
Все тянулись до тебя,
Обожглись, как от медузы,
Помнят и доныне дня!
Всех ты, милая, стерпела,
Научилась побеждать
И культурою сумела
Целый мир завоевать!
Превратилась ты в Россию –
Необъятную страну,
Где бескрайних далей сини,
Взглядом края не найду.
Только вот от казнокрадов
Ты страдаешь, как Христос,
От сосущих тебя гадов
Слабнет твой могучий торс.
Ни за что я не поверю,
Что придёт тебе конец,
С православной нашей верой
Ждёт победный нас венец!

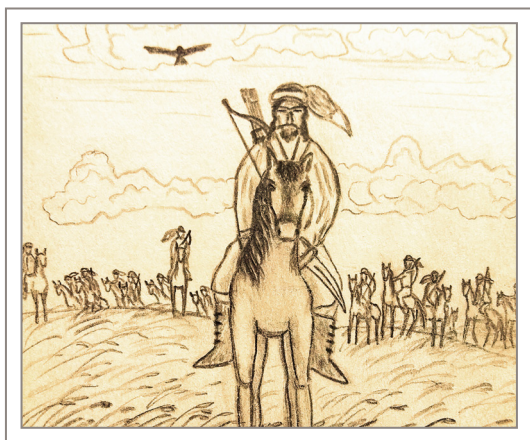

Иконописец

Из цикла «Русь – Россия»

Сквозь оконце слюдяное
Солнце тускло льёт лучи,
Помещение небольшое –
Стол дубовый, три свечи.
Краски в глиняных горшочках
Разведёны на желтке,
Треск свечей и запах воска,
Мышь скребётся в уголке.
За столом, держа дощечку,
Старый мастер-богомаз
Ближе к ней подвинул свечку,
Приглядевшись, щурит глаз.

Весь седой, на лбу морщины,
Волос лентой повязал,
С чёрной рясы из холстины
Крест от свечки заблистал.
Взял кистей большую связку,
Выбрал нужную из них,
Окунул легонько в краску
И нанёс незримый штрих...
Тихо свечка догорала,
Воском падая в подол,
На дощечке без изъяна
Проявлялся мудрый взор.
И о чудо! Лик святого
Как живой с доски глядит.
И божественно, и строго,
И вот-вот заговорит.
И откинул гордо спину
Старый мастер-богомаз,
И расправились морщины
В уголках лукавых глаз.

Набер

Из цикла «Русь – Россия»

Был солнечный полдень, и купол небес
Струил синеву на холмы, дальний лес,
С пригорков тянул аромат чабреца,
Кузнечиков хор стрекотал без конца.
Величия полон, тёк батюшка-Дон,
И рыба играла в лучах среди волн.
Любава с Андреем, сестрёнка и брат,
В холщовых рубахах почти что до пят,
На длинной верёвке с вершины холма
Ввысь змея пускали с хвостом, как волна.
Он точкой стоял, наблюдая раздолье,
И видел с высот дали Дикого поля.
Оттуда неслась в клубах пыли беда –
Кочевников алчных скакала орда.

И вдруг, так внезапно, за ближним холмом
Они проявились, как дьявольским сном!
То волчи, то лисьи хвосты на челах,
И злые оскалы кривятся во ртах.
И вздрогнул Андрейка, сражённый стрелой,
Любавка нырнула в шиповник густой.
Шиповник прошло насквозь восемь стрел,
Её не задели – такой уж удел.
От плача дрожала Любавы коса,
А брат стекленело глядел в небеса.
И там, где так радостно змей их парил,
Распятием чёрным стервятник проплыл.
А с берега Дона – истошные крики,
Мычанье коров и пожарища блики.
Челнами наполнилась водная гладь,
Спасались все те, кто успел убежать.
Рыбак бородатый, высокий, плечистый,
Наотмашь врагов бил багром, да со свистом.
Но в спину вонзилось ему много стрел,
И медленно он на колени осел...
Закончился адский, внезапный набег,
И пепел белел, как в Покров первый снег.
Смотрели убитые в землю и вверх,
Один только чибис отпел в небе всех.
Безумно шальная корова мычала,
Хозяйке остывшие руки лизала.
Спустя трое суток, идя в монастырь,
Монахи крестились на этот пустырь.
Предали убитых землеице сырой,
Сиротку Любаву забрали с собой.

Простые русские солдаты

*Дяде Ване, восемнадцатилетнему
красивому парню
и его односельчанам из деревни
Хмелинец, не вернувшимся
с Великой Отечественной,
посвящается...*

Простые русские солдаты,
Сквозь ад прошедшие когда-то,
Пусть вам поклонятся потомки.
Как выжить шансы были тонки...

* * *

Простые русские солдаты
Из тихих сёл и деревень
Ушли на фронт, покинув хаты,
Когда войны нависла тень.
Они игристых вин не пили,
Кружиться в вальсе не могли,
Они поля свои любили,
Они покосы берегли.
А вечерами звук тальянки
Рождал есенинскую грусть,
И от красавицы-селянки
Учили песни наизусть.

Ни маршала, ни генерала
Им не светило никогда,
Им первою наградой стала
В пилотке красная звезда.
Они в полуторки садились
И с ходу – в жуткий, смертный бой.
Они к медалям не стремились,
Прийти живыми бы домой.
Они геройски погибали,
Чернорабочие войны,
Родное поле и не знало,
А где ж лежат её сыны.
Оно им долго вслед глядело
Глазами синих васильков,
Оно им тёплым ветром пело
Про отчий край и милый кров.
Когда полуторка скрипела,
Их увозя за косогор,
Пыль Вечности на лица села,
Им не видать родимый двор...
Они, герои, победили!
Потомки это не забыли –
В победоносном светлом мае
Бессмертный полк навеки с нами.

Мысли у памятника неизвестному солдату в Ельце

Сигналит в честь свадьбы весёлой
Почётный кортеж из машин,
По городу мчится, по сёлам
И вдруг замирает в тиши.
Жених и невеста подходят
С живыми цветами в руках,
К солдату из бронзы подносят,
Кладут с уважением в сердцах.
А он с обнажённой главою
Глядит на живые цветы,
Наверно, когда-то весною
Он рвал их, как я или ты.
Наверно, такие букеты
Не раз он любимой дарил,
Встречал с ней закаты, рассветы,
До свадьбы он лишь не дожил.
О русский солдат неизвестный,
Ты чей-нибудь сын или брат,
Ты заново в бронзе воскресший,
Но твёрд, непреклонен твой взгляд.

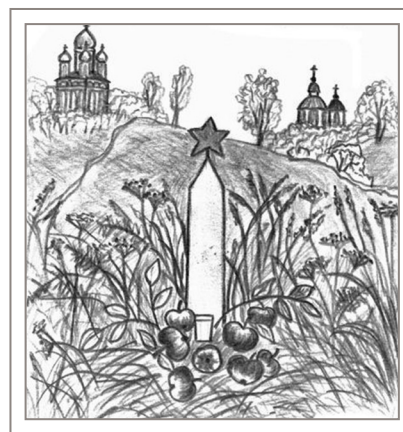
Ты где-нибудь в схватке неравной
Погиб, неизвестный герой,
За жизнь, чтобы стала прекрасной,
Чтоб свадьбы – одна за другой!
И в бронзе застыл неизвестный солдат,
А рядом с ним розы живые лежат.

Памятник у дороги

Был Яблочный Спас на Руси,
Блестели церковей купола,
И яблоки люди несли
Святить для родного стола.
А в буйной, высокой траве
Стояла могилка одна,
Их много таких на земле
Оставила злая война.
Ни фото, ни имени нет,
Лежит неизвестный герой.
И много прошло долгих лет,
А он той войны часовой.
В одну из тяжёлых годин
Каратели взяли село,
И много людей полегло,
Сражался лишь долго один.
Разведчик наш был молодой,
Вступивший в смертельный здесь бой.
Но память людская живёт,
И в стопке налит самогон,
И кто-то с ним вместе споёт
Про тот раскудрявистый клён.

И яблоч оставят ему,
В Медовый – медок в стакане
И в Пасху – гостинцев суму,
Покрасят звезду по весне.
Он – совесть людская и боль
За ту дорогую цену.
А в чьём-то альбоме он вновь
Целует невесту ль, жену...

Зимняя сказка

В розовых лучах восходит солнце,
Инеем покрыты все деревья,
Вдруг застыли, выйдя за околицу,
Будто по чьему-то повелению.
Лес вдали, что синяя полоска,
Тайною своей тебя поманит,
Снег искристый заскрипит немножко,
Сказочным ковром как будто станет!
Русская зима – такое диво!
Будто неприметное для глаза,
Но взглядишься, станет сердцу мило
Чудо, не замеченное сразу.
За стеклом морозного узора
Звёздными студёными ночами
Смотрит на тебя из чащи бора
Синими сама зима очами!

Зимняя зарисовка

Всю ночь шальная выюга билась,
Рвалась в квартиры сквозь стекло,
Под утро лишь остепенилась,
И стало тихо и светло.
И город празднично-спокоен,
Весь чист и бел с земли до крыш,
Арбузной свежестью напоен,
И слышен гомон галок лишь.
Они в величественном парке,
Средь серебра роскошных крон,
В своей нелепой перепалке
Украсят чёрным белый фон.
И, как с живых картин Юона,
Которым уж под сотню лет,
Всё та ж одежда пешехода –
Преобладает чёрный цвет.

Снежный день в Ельце. ДВП, масло. 40 x 60 см

Рождество

Где месяц золотил избушек крыши,
Укутанные снежным серебром,
Нежнее, чем снежинки, и потише,
Спускались ангелы в наш деревянный дом.
И прятались в ветвях нарядной ёлки,
Где хвоей пахли колкие иголки,
Светился нимб в иконе божества,
И ждали мы прихода Рождества.
На ёлке мандарины и хлопушки,
Конфеты и блестящие игрушки,
От пламени свечи играл в них свет,
И было мне тогда всего шесть лет.
Мы вместе с другом, Васью-котом,
Подарков ждали светлым Рождеством.
Коту дарили праздничный обед,
А мне, к тому ж, ружьё иль пистолет.
Забавный гном являлся мне во сне,
Мы с ним гуляли в сказочной стране.
А утром в дверь стучалась детвора
С соседского и дальнего двора.
И Христа славили, сняв шапки, у окошка
Сосед и брат двоюродный, Серёжка,
А мой не слишком верующий дед
Им в шапки сыпал пригоршни конфет.

Рождество

Морозной зимней, тёмно-синей ночью,
Когда скрипят деревья по лесам,
А по полям позёмка снежной дрожью
Несётся вдаль к неведомым краям,
На небе среди звёздного безмолвия
Зажглась над миром Вифлеемская звезда –
Для всех народов православного сословья,
Для всех, кто верой и добром живёт всегда.
В деревнях, городах земли российской,
В церквях, соборах и монастырях
Наполнено духовной, светлой силой
Пространство, как в Иисусовых яслях.
Тот лучезарный свет от служб церковных
Разносится повсюду, как эфир,
И искры светлые рождает в душах новых,
И делает добрей весь сложный мир.
Так пусть же светит Вифлеемская звезда –
Маяк надежды. Каждому, всегда.

Рождество в Ельце. ДВП, масло. 30 x 40 см. Музей И. А. Бунина, Елец

Окно на холме

Из детства помню я метель –
Несётся по холмам сквозь годы,
На крыши дальних деревень
Ночь опускает тихо своды.
И только светится одно
На дальнем на холме окно.
И сладкой грусти огонёк,
Что был так призрачно-далёк,
Дарил надежду сквозь печаль,
Теплей казалась ночи даль.
А вьюга мчалась по полям
И подвывала сиротой,
Как бы ища то здесь, то там
Пропавшего в ночи глухой.
Пропало много, но одно
Меня волнует много лет –
Лишь бы не гасло то окно,
Дарящее надежды свет.

Над снежной Русью я летал

Окна дальних деревень,
Как свечи, тихо зажигались,
И сквозь пушистую метель
Теплом, уютом проявлялись.
Затихла в поле кутерьма,
И месяц выглянул лукавый,
Преобразилась вдруг зима –
На Русь спускался праздник главный!
И приносил он в каждый дом
Надежду, Веру и Любовь!
И с губ слетало: «С Рождеством!»
И мир добрей казался вновь!
А колокольный перезвон,
Что ввысь летел со всех сторон,
И мою душу поднимал,
Над снежной Русью я летал!

То ли зима заплакала...

Увенчана вся каплями,
Как чистым серебром,
Слегка колышет лапами
Берёзка под окном.
То ли зима заплакала,
Не хочет уходить,
Ворона ей накаркала –
Недолго больше жить.
То ли весна-красавица,
Очнувшись ото сна,
Росою умывается,
Застенчива, нежна.
Под шум дождя приснился мне
Листвы зелёный дым.
Всё обновится на земле...
В душе вновь буду молодым...

Зимняя ночь

Месяц в небе тихо бродит,
Звёзд мохнатые стада
За собой по небу водит
В тёмно-синие хлева.

Дышит воздухом прохладным
В сонной роще каждый ствол,
Светом призрачно-янтарным
Каждый кустик освещён.

И грачиных гнёзд корзины
Устремивши в небеса,
Просят золота осины
У ночного пастуха.

Морозное утро в Ельце. ДВП, масло. 50 x 40 см

Весна

Съедают чахлый снег туманы,
Промозглой сырости полны,
И по обочинам канавы
Набрались гниlostной воды.
Лес с почерневшими стволами
Весь ожиданием набух,
И дятла дробь из глухомани
Внезапно будоражит слух.
И тонко дзинькает синица
В блестящих каплях кустов,
С пригорков талая водица,
Журча, стекается в овраг.
И в небольшое озерцо
Глядится розовый восход,
Купая нежное лицо,
Оповестив весны приход.

Масленица

Несутся тройки с бубенцами
По хляби талой мостовой,
И самовар пыхтит – с блинами,
И всюду праздник озорной.
С крутой горы вниз мчатся санки –
Под смех, до самой до реки,
А над церквями вьются галки,
Кресты блестят, как медяки.
И синь небес весною веет,
И куст ольхи уже ожил,
И на обочине темнеет
Зернистый снег, совсем без сил.
На радость шумной детворе
Кривится чучело в огне.
И все кричат: «Весна, приди!!!»
И верят в счастье впереди.

Масленица в Ельце. ДВП, масло. 50 x 70 см

Видно, скоро весна!

Не спалось мне той ночью,
Видно, скоро весна,
Трель синицы всё звонче
У окошка слышна.
Будто дивное чудо,
Золотая луна,
Как огромное блюдо,
Отплыла от окна,
И слегка покатилась
К тёмной дали лесной,
И за ёлками скрылась
В серой дымке густой.
Прекратила во мгле
Свой магический путь
Та, которая мне
Не давала уснуть.
И зачем-то лишала
И покоя, и сна,
Под окном колдовала...
Видно, скоро весна!

Пробуждение

На розовом небесном покрывале
Вставало солнце, словно апельсин,
Как долгожданный странник на привале,
Лучи раскинув средь седых осин.
И кротко улыбалось тёмным елям,
Верхушкам сосен, клёнам и ольхе,
Недавно поклонявшимся метелям
И помнящим о мачехе-пурге.
Но снег сошёл, в лесу пока что тихо,
Туман плывёт по впадинам дорог,
Один лишь дятел барабанит лихо,
Да зеленеет только пышный мох.
Но каждый шорох, каждое мгновенье
Весну вдыхают в русские леса,
Травин зелёных слышно шевеленье
И крылышками как шуршит оса.

А март уж близился к концу. Холст, масло. 40 x 50 см

Апрель

Растаял снег, влажна дорога,
Поля дымятся от тепла,
По ним грачей гуляет много,
Лазурь небесная светла.
Лес пробудился ото сна,
В нём песня зяблика слышна,
И скоро трели соловья
Услышат речка, лес, поля.
И запах свежести весенней
Плывёт в проснувшейся глуши,
Подснежник нежный, кроткий, первый
Расцвёл в предутренней тиши.

Мать-и-мачеха

После зимней, унылой тоски
Вдруг рассыпал апрель на пригорки
Мать-и-мачех лимонных осколки,
И горят они, как светлячки.
У весны ранней красок так мало –
Кроме мха, бурых трав и тумана,
Да белеющих станов берёз,
Да блестящих в ветвях капель-слёз...
Но сияют, как малые солнца,
Эти дети весенней поры,
Синеву пьют с небесного донца
Пионеры грядущей жары!

Сорочье новоселье на Вербное воскресенье. Холст, масло. 60 x 40 см

Краски мая

Май мой синий, июнь голубой...

С. А. Есенин

А для меня май вовсе и не синий,
Он только небом сине-голубой.
Май жёлто-золотой, зелёно-сизый
И с разноцветной яркою листвою!

От одуванчиков поля все золотые!
Черёмухи пленяют белизной!
В садах цветущих блики цветковые
В оттенках розовых чаруют красотой!

И красок пир – цветущие сирени,
Стремясь неповторимостью увлечь,
Нам плавно в лето открывают двери.
Спасибо, май, за всё! До новых встреч!

За всё тебе спасибо, май!

Благоухает майский лес,
Кипит черёмухой душистой,
И купол голубых небес
Прозрачный, солнечно-лучистый.
И льются трели соловья
Из чащи прямо в мою душу,
Наполнив радостью меня,
Как соком наливную грушу.
И снова молод я душой,
Мне этот лес как дивный рай,
Не расставался бы с тобой,
За всё тебе спасибо, май!

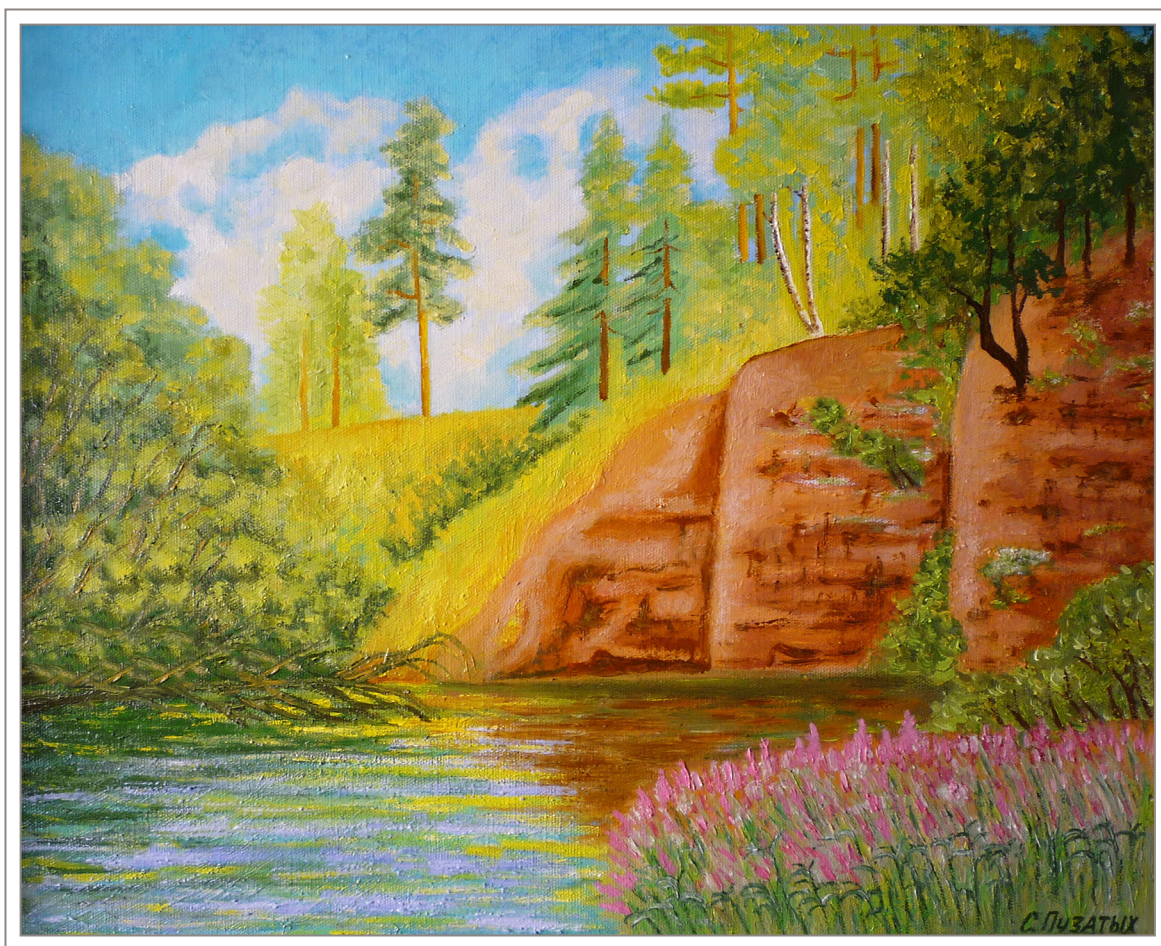
Май на речке Тёплой за Гатчиной. Холст, масло. 40 x 50 см

Красоты Оредежа

Такие дивные пейзажи
По красно-бурым берегам,
Что дух захватывает даже,
И мысли тянутся к стихам.
Ведь в дальней Мексике каньонам
Не снилось этой красоты,
Здесь сосны поясом зелёным
Глядятся в воды с высоты.
Змеёю Оредеж петляет
Среди обрывов и холмов
И в чистых водах отражает
Красоты северных лесов.
Июльской жаркою порою
Прохладу дарят родники,
Стрекозы роем над водою
Порхают, словно мотыльки.
Высокой розовой стеною
Стоит красавец иван-чай
И увлекает за собою
По побережью в дальний край.

А в Сиверской цветёт сирень

А в Сиверской цветёт сирень
В погожий майский, тёплый день.
И вдаль несётся аромат,
И опьяняет старый сад.
Нарву букет и подарю любимой,
И сотворю чудесный натюрморт,
Чтоб этот дивный миг, неповторимый
В картине жил, да не один бы год.
Чтоб в неуютный серый день, ненастный,
И в зимнюю пургу, и холода
Тот миг всплывал картиною прекрасной,
И в Сиверской сирень цвела всегда!

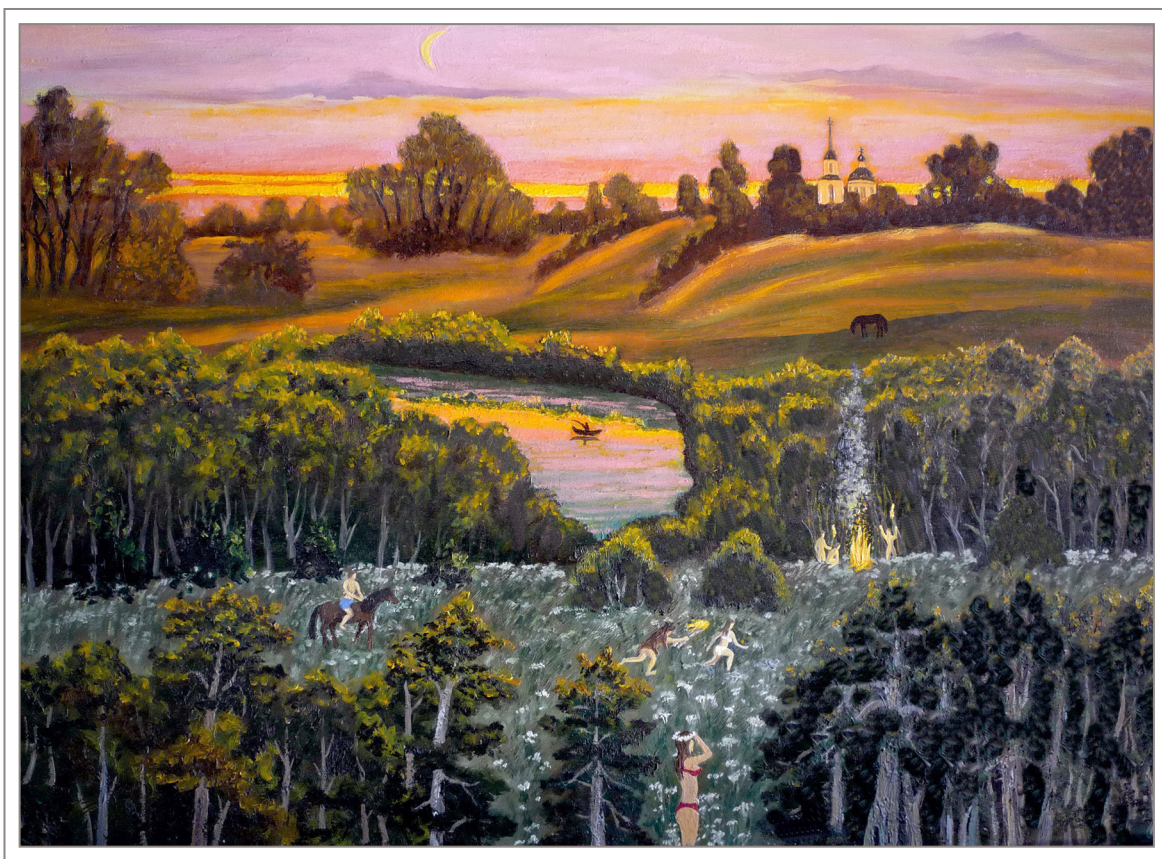
Сиверская. Красные скалы. Холст, масло. 40 x 50 см

Июльский дождик

Прошумел весёлый дождик
И умчал на облаках,
Синевы раскрылся зонтик,
Лес весь в птичьих голосах.
И высокие осины –
Серебристые стволы, –
Искупавшись в струях ливня,
Блещут каплями воды.
В каплях скрыт звон хрустальный,
Ствол качнётся – и зазвенят,
Дружной россыпью янтарной
Резво, щедро окропят!
Травы влагой напитались,
Улыбаются цветы,
А над речкой распластались
Нежной радуги мосты.
По дорожкам разноцветным
Манят в рай, за облака,
Был бы ангелом я светлым,
То пошёл наверняка!

Васильковое лето

Буйных трав половодье,
Зелень дали лесной,
И кукушка в раздолье
Нам гадает с тобой.
Где-то иволга свищет
И кричит коростель,
Земляникою брызжет
Луговая постель.
А в полях, где пшеница,
Синь струят васильки.
Этой сини б напиться,
Как воды из реки.
Васильковое лето
Мы в душе сохраним,
Зимней вьюжной порою
Мы о нём загрустим.
Но в глазах твоих синих
Будет что-то сиять –
Васильки с мест равнинных
В них я встречу опять!

Вечер на Ивана Купалу. ДВП, масло. 50 x 70 см

Лето уходило

Листья шумной стаей с дерева сорвались,
Со скворцами лето догонять помчались.
На цветочной клумбе жёлтые цветы,
Как разлука с летом, снова зацвели.
И на зорьке утренней пенье птиц всё тише...
Осень приближается и прохладой дышит.
И в саду усталом ярких красок нет,
Лишь в кусте шиповника горит последний цвет.
Лето уходило, как его ни жаль,
Уходя, дарило паутин вуаль.
Солнце стало мягче, ласковей, нежней,
Как усталый путник на исходе дней.
Загрустил подсолнух, стоя у плетня,
Больше не увидит солнечного дня.
Он крутил за солнцем буйную голову,
А теперь повисла и глядит в траву.
Только хризантемы радостно горят
И салют прощальный лету вслед дарят.

Последний летний день

В фиолетовых и красных пятнах цвета,
Под углом врезаясь в горизонт,
Туча, как огромная комета,
На полнеба распластала зонт.
А над ней – лимонное свечение,
А под нею – охристая тень,
Вот под это дивное свечение
Угасал последний летний день.

Русь – малиновое поле. Холст, масло. 40 x 50 см

Улыбка осени

Навеянные осенью, дожди
Не раз стелились серой пеленой.
И вдруг, внезапно, солнечные дни –
Улыбка осени перед зимой.
То отголосок ласкового лета,
Но тихий, робкий, чуть живой.
И в роще солнечного цвета
Не слышно птиц, царит покой.
На землю лёг янтарный лист,
За ним второй летит, кружится,
Прохладный воздух свеж и чист,
Луч солнца меж ветвей струится.
И радуешься чудным дням,
И всё ж немного грустно: где-то
Кочуют птицы по полям,
Ища исчезнувшее лето.

Сенокосная пора

Запах трав нескошенных расстелился по лугу,
И тропой заброшенной ты спускалась по воду.
А заря вечерняя в речке утонула,
Как малина спелая, гладь воды уснула.
В камышах прибрежных лягушиный хор
Начинает долгий, звучный разговор.
Стелет вечер тени, лунный свет над лугом,
Затерялась дева в разнотравье с другом.
Не ругайся, матушка, и не злись ты зря,
Очень была нежная в этот раз заря.
И стояли вёдра, в каждом по луне,
В той траве, что скосят рано на заре.
.

Сенокосная пора. Холст, масло. 40 x 50 см

Осенний денёк

Солнце кроткою улыбкой
Озаряет пёстрый лес.
Нежный, ласковый и зыбкий
Купол голубых небес.
День, как бархатный младенец,
Растворился в тишине,
Стайкой белых полотенец
Облачка спят в синеве.
Всё прекрасно и спокойно
Вдалеке от суеты,
Видеть мило и чуть больно
Увяданье красоты.

И завьюжил цветной листопад

И завьюжил цветной листопад
На исходе дней тёплых, погожих,
И кружится листва невпопад,
И ложится в ладони прохожих.
Догорают в наряде своём
Золотистые клёнов аллеи,
И палитра скудней с каждым днём,
Ветров северных свищут свирели.
И чуть больно, печально в душе,
Что мгновенья прекрасные тают.
Да, пора за мольберт мне уже,
Пусть хоть в красках они оживают.

Октябрь. У Птичника в Гатчинском парке. Холст, масло. 40 x 50 см

Осенний рок-н-ролл

Клён, оранжево одетый,
В день последний сентября
Вдруг запел, как будто летом,
Разгоняя тучи дня.
Это сюрреалистично!
Этого не может быть!
Ведь в природе всё логично:
Летом – петь, а в осень – стыть.
Но, наверное, не знали
Голосистые скворцы,
Что каноны нарушали
Хулиганы-сорванцы.
И неслись задорно трели,
И звенел у клёна ствол,
А вокруг шальные ели
Танцевали рок-н-ролл!

Берёзка под окном

Пылает золотым огнём –
Причёскою густой –
Берёзка под моим окном,
Посаженная мной.
Ей жаль наряд свой потерять,
Но дни всё холодней,
Уж ласки не придётся ждать
От солнечных лучей.
Гори, берёзка, на ветру,
Сыпь золото с ветвей,
Укрась зелёную траву
Палитрою своей!
Ты подари в последний раз
Красивый натюрморт,
Порадуй напоследок глаз,
Мы в зимний входим порт.

Бабье лето золотое. Холст, масло. 30 x 50 см

Золото бесплатно октября

Белым золотом блистал осколок солнца
Меж еловых бархатных ветвей,
И берёзы в золотых червонцах
Осыпают их среди аллей.
Золотыми лоскутками машут клёны,
Тихо шепчутся о чём-то о своём,
И осинки медные короны
Золотятся солнечным лучом.
Столько золота так щедро, безвозвратно
Дарит тёплый вечер в этот час.
Набирайте, это всё бесплатно!
И храните в зиму про запас.

Сказочный дурман

Уж середина октября,
А вечер сказочный такой.
Берёз верхушки серебря,
Луна повисла над рекой.
Туман мистический плывёт,
Скрывая чудищ водяных,
И птица странно так поёт,
Напомнив вдруг о днях былых.
Как будто лето не ушло,
И дивный вечер, и туман,
И так уютно и тепло.
Продлись ещё чуть-чуть, дурман!

Уж осень золотом блеснула. Холст, масло. 40 х 60 см

Журавли

Над лесом осенью я видел журавлей,
Они действительно так жалобно кричат,
Как будто плачутся над участью своей,
Что им в Россию нет пути назад.
Шальные птицы, что же вы кричите,
Зачем на части душу рвёте мне?
Летите вы себе, ну и летите,
Не думая об этой стороне.
Здесь многие о загранице бредят,
Мечтая улететь, вот как и вы.
Вам за границей солнце слабо светит
Иль небеса не той вам синевы?
Или поля раздольней вам в России,
Иль здесь охотники гуманней и добрей?
Ответа нет мне из небесной сини
От плачущего клина журавлей...
Но, видно, родина своя
Милей, чем чуждые края!

Октябрьский вечер

Опустился вечер над опушкой,
Расстелил холодный, синий цвет.
Над кленовой зябкою верхушкой
Серебрится лунный силуэт.
Тонкие и робкие осинки
Тихо сыплют медную листву,
Из листвы той пёстрые картинки
Устилают жухлую траву.
И туман волшебным покрывалом
Укрывает сказочный ковёр,
И лесным оркестром небывалым
Отшумел весёлый птичий хор.
Не шуметь тем листьям на деревьях
И не слышать птичий пересвист,
Не поэтому ль, запутавшийся в ветвях,
Не летит к земле корявый лист.

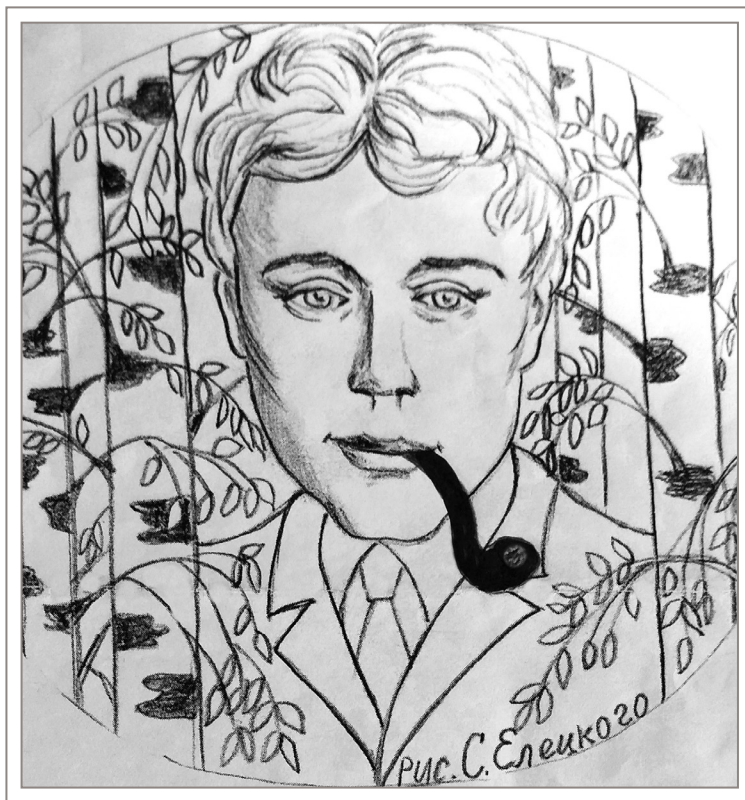
Фазаны. Холст, масло. 50 x 70 см

Свет с берёз в закатный час

Пока хоть кем-то на планете
Произнесётся слово «Русь»,
То не забудут в этом свете
Пропеть есенинскую грусть.
Она светла и справедлива,
Как свет с берёз в закатный час,
Она трагически-красиво
С судьбой Руси переплелась.
Он, светлый отрок, словно ангел,
Глядел в сиреневую даль,
И вспыхнул в нём любви той факел,
Что путь к закланью освещал.
Был путь тяжёл, а боль России
В нём отзывалась как набат,
И меньше излучать стал сини
Его лучистый прежде взгляд.
Когда ж с измученной душою
Он покидал суровый мир,
Склонились ивы над Окою,
В берёзы месяц слёзы лил...

Меня любить берёзы Есенин научил

Меня любить берёзы Есенин научил,
И их росинки-слёзы я звонким утром пил!
И сарафан их белый не раз в руках держал,
И шум листвы несмелый я слушал, понимал.
Меня любить Россию Есенин научил!
С глазами чистой сини, со звонами осин
Век шумный двадцать первый шумит, бежит, летит,
Многоэтажки-хаты под облака стремится.
И поезда несутся, нас мчат куда-то вдаль,
И тишины всё меньше, как этого ни жаль.
Но это всё дороже, и ближе, и родней,
Когда над спелой рожью услышишь журавлей.

Портрет С. А. Есенина. Картон, карандаш. 25 x 25 см

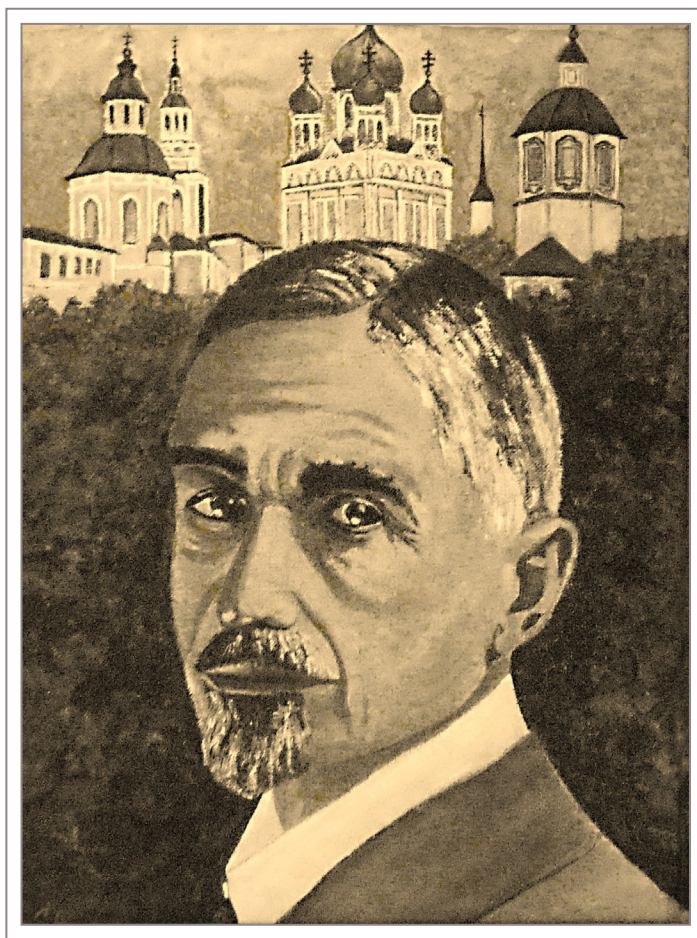
Родился мальчик в матушке-России

*Нобелевскому лауреату по литературе
и лауреату нескольких Пушкинских премий
И. А. Бунину в день рождения*

Когда кончались листопады золотые,
Светлей, прозрачней становилась даль,
В садах антоновки собрали наливные
И Богородицы Покров стелил ураль,
За палисадом алые рябины
Всё наливались сладостным вином,
Душистым сеном полнились овины,
Готовился к зиме уж каждый дом,
Родился мальчик в матушке-России
С известным русским именем Иван.
Он детство проводил средь далей синих –
Полей, холмов родных, нечуждых стран,
Там, где поля пшеницы золотые
К порогу дома преклоняли колоски,
Где жаворонков трели заливные
И песни удали, веселья и тоски.
Всё это в душу, сердце напиталось
Российскому писателю, поэту,
В великом творчестве осталось,
Обогадив народы и планету!

Подытожил осень «Листопадом»

Уже октябрь ушёл за середину
И буйство красок осени скудело,
Даль оголилась, пашня зачернела,
А озимь зеленью заполнила долину,
Родился Бунин в день Весов последний
И подытожил осень «Листопадом».
Палитру яркую дополнил русский гений
Осенним ароматом – лесом, садом.
В саду усталом запах листьев прелых
Бодрит и сил даёт с утра,
Антоновок на чердаке в соломе спелых
Тончайший аромат, как с доброго вина!
А на прогулке в облетевшей чаще,
В канавах, где туман уснул вчера,
Грибами тянет и зовёт маняще,
Но не найти ни одного гриба.
Неважно, главное – в душе прекрасно!
И хочется всем наслаждаясь жить!
А листья жёлтые – заплатки на асфальте –
Осенний дождик всё пытается пришить...

Портрет И. А. Бунина. Холст, масло. 40 x 30 см.
Музей И. А. Бунина, Елец

Бунина звезда

Над Сент Женеьев де Буа
Загадочно звёзды горят,
На Сент Женеьев де Буа
Российские тайны лежат.
Когда-то в парижском кафе
Он летней порою сидел,
В вечерней сиреновой мгле
Он молча на небо глядел.
Печально блуждали глаза
По россыпям манящих звёзд,
А мыслями был он тогда
За многие тысячи вёрст.
Он шёл по российским полям,
Политым жемчужной росой,
К светящимся в избах огням,
Любуясь вечерней красой.
В осоке, где плакала выпь
В темнеющем тихом пруду,
Увидел, как водная зыбь
Качала на волнах звезду.

И, весь переполненный чувств,
Он эту звезду полюбил,
Сквозь шквал исторических буйств
Он в сердце её сохранил.
Он бросил последний свой взгляд
На Вечность, что вся в серебре,
Но звёзды чужие горят,
И тихо сказал сам себе:
«Звезду, что мерцала в пруду,
Была мне дороже и ближе,
Увидеть на небе Парижа
Уже никогда не смогу...»
Бегут круговертью года
И в Вечность цепочкой летят,
Над Сент Женеьев де Буа
Загадочно звёзды блещут.

Усадьба И. А. Бунина. Холст, масло. 40 x 50 см.
Музей И. А. Бунина, Елец

Частицу мира подарю

Я людям от души на память
Частицу мира подарю,
В черёмухах душистых заводей
И нежно-алую зарю!
Руси сиреневой просторы,
Леса, луга и косогоры,
Где в дальнем детстве не спеша
Впитала всё моя душа!
И в ней родилась искра и мерцала
Есенинско-рубцовского пожара!

О стихах

Стихи хлопком в ладоши не родить,
Их тайна появления не проста,
Они в душе годами могут жить
И вдруг сорваться, словно лист с куста.
И вот уже сорвавшийся листок
Плывёт по речке многострунных чувств,
И если раньше был он одинок,
Теперь в плену неудержимых буйств!
Отшлифовав, всё лишнее убрав,
Освободившись от ненужных пут,
Он, проявляя свой нелегкий нрав,
Родился всё ж и напечатан тут!

Бесценный груз

Весь перечёркнутый возьму блокнот
И карандаш, исписанный, любимый,
И поезд, как стальной упрямый крот,
Пророет путь российской долиной.

Я буду собирать печаль дорог
Рубцовских, щедро залитых дождями,
И колокольчики у самых моих ног
Мне прозвонят своими бубенцами.

Есенинских малиновых полей,
Колышащих под ветром иван-чай,
И облаков – небесных кораблей –
Я соберу богатый урожай.

В душе своей бесценный этот груз,
Без помощи охран и разнах страж,
Я увезу – без хлопот и обуз,
А стих излить поможет карандаш.

Гебиусский водопад. Холст, масло. 70 x 50 см

Я был рождён

Я был рождён шестого октября,
Когда берёзы, в цвете янтаря,
В тиши бездонных голубых небес,
Листою плача, украшают лес.
Когда осины, не жалея, сыплют медь
И кровь рябин не устаёт алеть,
А по полям озимых малахит
Ласкает глаз и душу веселит.
Я был рождён в начале октября,
Когда прохладой дышит бледная заря,
Когда антоновки висит последний плод
И ароматом сад весь обдаёт.
Когда, курлыча, улетают журавли
До новой, до весенней до зари.

*Маме моей,
Анне Ивановне Пузатых,
посвящается*

Меня всегда с собой водила
Смотреть закаты над рекой
И тихо, нежно говорила,
Какой прекрасный край родной.
И земляничные поляны
Нам источали аромат,
И я, от радости как пьяный,
Глядел на розовый закат.
Мы тёплой ночью возвращались,
Был в тёмном небе звёздный дождь,

Берёзы сказочно шептались,
И земляники нёс я горсть.
А дома бабушка встречала
С парным коровьим молоком,
И сонно кошка так урчала,
Лёжа у стенки под окном.

Прошли года, в миры иные
Ушли все родичи мои,
И проплывают над Россией
Их души, словно журавли.

*Бабушке моей, Акулине Васильевне,
посвящается*

Я помню детство, прозвеневшее когда-то
В красотах среднерусской полосы.
И имя бабушки всегда мне было свято,
Как свет с иконы в церкви на Руси.
Меня туда по праздникам водила,
Мне сердце волновал церковный хор,
И втайне ото всех меня крестила,
Чтоб в школе не был лишний разговор.
Меня она любила без остатка,
Я для неё был светлый ангелок.
От мамы от моей она украдкой
Мне прикрепила крестик на шнурок.
И с именем старинным Акулина,
По отчеству Васильевна была,
Как добрая и светлая былина,
Она в душе моей всегда жива.
И пусть твой холмик – как у Льва Толстого –
Не украшает обелиск крутой.
Ты говорила: «Не хочу такого,
Ты в церкви помяни меня свечой...»

Пасха

В конце апреля на зелёном косогоре
Купалось солнце в розовых лучах,
И пасху, освящённую в соборе,
Держала бабушка в натруженных руках.
С обедни, километров семь пешком,
С ореховым нехитрым посошком
Из города по полю и холмам
Она пришла и улыбалась нам.
И разливался колокольный звон,
Он от церквей елецких плыл вдали,
А в синем небе звону в унисон,
Курлыча, пролетали журавли.
И наполнялся мир простым добром,
Как утренним коровьим молоком.
А солнце всё искрилось на холме
И жемчуг рос дарило щедро мне!

На пасхальную службу в Ельце. Холст, масло. 40 x 30 см

Ильин день

Жара палила и палила,
Нещадно выжгла все холмы,
В ручей речушку превратила,
И обмелели все пруды.
И вдруг жара внезапно спала,
Подул желанный ветерок,
В прудах вода похолодала,
То сотворил Илья Пророк.
Сестра моя зажгла лампадку,
И Чудотворец Николай
Блеснул улыбкою украдкой,
Благословляя отчий край.
А край ломился урожаем,
И ветви яблонь, груш и слив
Казались нереальным раем,
Себя от тяжести сломив.
Из чабреца в уютной кухне
С вареньем пьём душистый чай,
В духовке, подпекаясь, пухнет
С начинкой яблоч каравай.

Я почитал стихи Надежде
О нашей речке и холмах,
О том, как здесь плясали прежде
На праздник в заливных лугах.
Она задумалась, взгрустнула
И, улыбнувшись невзначай,
Пирог мне вкусный протянула
И подлила душистый чай.
– Я вот стихов твоих книжонку
Возьму и спрячу за иконку,
Там, где живой лампадки свет
И где молюсь я много лет.
И вот когда молиться буду,
То про стихи я не забуду,
Их почитаю в тишине,
С молитвой доброй о тебе.

Антоновские яблоки. Холст, масло. 60 x 40 см

А всё это было большою любовью!

Когда её встретил, то мир изменился,
Как будто в пространстве другом очутился.
Хотелось взлететь и парить в небесах!
По волнам нестись на тугих парусах!
Готов был на подвиг, на смелый поступок,
Был полон энергии, смеха и шуток.
И даже страдания были бальзамом,
Ведь был бесконечно счастливым я самым!
И солнце с небес по-другому светило,
И мир открывался таинственной новью.
Так что же тогда это всё-таки было?
А всё это было большою любовью!

И будет так...

Нам не дано в обличии земном
Жить вечно под Божественным крылом,
Гулять в лугах, из родника напиться
И целоваться под густой ракитой.
Наступит время нам с землёй проститься,
Но мы уйдём, как Мастер с Маргаритой,
И будем плыть в безбрежности Вселенной
С душой твоей возвышенной, нетленной.
Плыть в океане чувств и помнить о Земле.
Весенним утром, рано на заре...

*Свете Никитиной,
безвременно ушедшей из жизни,
посвящаю*

И о Душе

Не знаю, как, в какие времена,
Но отлетит душа моя от тела,
Как прежде, невесома и нежна,
И воспарит над Вечностью несмело.
И будет плыть в безбрежности Вселенной
Материей неведомой, нетленной,
В духовном поле, помня о Земле,
Весенним утром, рано на заре,
Благодаря за этот дивный сон,
Что подарил ей всемогущий Он...

Новь

Но жизнь идёт, и новые строенья
Растут, как после дождика грибы,
Здесь новые родятся поколенья,
Как прежде, в буйстве зацветут сады.
За речкой церковь заблестит крестами,
Как в давние когда-то времена,
Ну а пока украшена цветами
Внутри той церкви фресочка одна.
Как реки, ручейками пополняясь,
Впадают в полноводные моря,
Так с малых родин, всюду возрождаясь,
Поднимется российская земля.
Восьмиконечными библейскими лучами
Да воссияет её древний лик!
Духовность Миру излучив очами,
Он будет мудр, и светел, и велик!

Вирус творчества

Когда закончится моя «шизофрения»,
И я, быть может, допишу последний стих,
То вирус не чумы, не малярии,
А творчества во мне вдруг станет тих.
Он не умрёт, а только затаится,
Он выберет, кого ему терзать,
Неспешно в ком-то новом зародится
И будет мозг и душу пожирать.
Он расцветёт сиреневым букетом
В какой-то неприкаянной душе,
Он озарит своим особым светом,
И мир иным покажется уже.
Цвет радуги – сочнее и веселее,
А пасмурность – мрачнее и тяжелей,
Осенние дождливые амеи
Быть могут моря южного милей.
Тот вирус творчества съедает беспощадно,
Он может принести большой успех,
А может вдруг предать тебя нещадно
И подтолкнуть к кончине без утех.
И если всё ж придётся нам расстаться,
Я прокричу, насколько хватит сил,
Ведь без него так грустно оставаться:
– Спасибо, что когда-то посетил!..

С творчеством Сергея Пузатых (Елецкого) можно ознакомиться в интернете

«Кто такой Елецкий?» Часть I (2005):

https://vk.com/im?sel=152836870&z=video152836870_171490340%2Fb651cb0a50f488149d

«Кто такой Елецкий?» Часть II (2006):

https://vk.com/im?sel=152836870&z=video152836870_166613216%2Ff9b160e142f370e3a6

Автор фильмов – Михаил Юрьевич Дрожжин, начальник службы химико-технологических систем Управления эксплуатации комплекса ядерных установок НИЦ «Курчатовский институт» – ПИЯФ.

Ленинградская областная компания («ЛОТ»);

рубрика «Земляки» (2020):

https://vk.com/im?sel=152836870&z=video152836870_163718764%2F906cd8c2549e3cb94e

Дом культуры. «Поэт Пузатых» (2020):

https://vk.com/al_im.php?sel=152836870&z=video152836870_456239017%2F371fd976e9aaf19049

Виртуальная выставка в Музее И. А. Бунина, «Сердцем помню только детство...»;

«Художник Сергей Пузатых-Елецкий» (Елец, 2021):

https://vk.com/im?sel=152836870&z=video553164518_456239045%2F231a6887a9e6e25b00

* Цитата из стихотворения И. А. Бунина «При свече».

12+

Литературно-художественное издание

НАУКА И ИСКУССТВО
Сергей Пузатых (Елецкий)

Редактор-составитель *Е. Ю. Оробец*
Технический редактор *Т. А. Парфеева*
Оформление обложки *К. Д. Кашковской*
Компьютерная вёрстка *А. О. Павловой*

Отпечатано в Издательско-полиграфическом отделе
НИЦ «Курчатовский институт» – ПИЯФ на Konica Minolta AccurioPrint C4065.
188300, Гатчина Ленинградской обл., мкр. Орлова роща, д. 1.

Зак. 361, тир. 50; 14.06.2024.

